

Алёна Сафронова

ВЫСТОЯТЬ В ТИШИНЕ



Алёна Сафронова

Выстоять в тишине

<https://litres.ru/74531843>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы привыкли требовать от Вселенной мгновенных наград, но Квантовый Баланс не знает жалости: избыточный потенциал ожиданий лишь отдаляет цель, а квантовый скачок требует долгого накопления энергии в полной тишине.

Для Кире такой «тишиной» стал серый провинциальный Зареченск: копеечная зарплата, сырая однушка и замкнутый круг выживания. Всё меняет встреча со странным стариком Петром. Он открывает ей главное правило зеркала: чтобы изменить внешний мир, нужно выжечь в себе частоту жертвы.

Преодолевая боль и предательства, Кира начинает строить себя заново. Судьба сталкивает её со столичным архитектором Глебом и втягивает в борьбу за спасение вековой усадьбы. Но сможет ли она сохранить монолитный покой, когда земля уходит из-под ног, иллюзия лёгкого пути манит столичным глянцем, а главный союзник держит холодную дистанцию?

Глубокая история о духовной стойкости, цене внутренней свободы и союзе двух сильных душ, объединившихся ради созидания.

Алёна Сафронова

Выстоять в тишине

Глава 1. Граница тумана

Зареченск замерзал медленно и некрасиво. Ноябрь в этом маленьком провинциальном городке всегда напоминал затянувшуюся болезнь: грязный, неровный лед на обочинах, облупившиеся хрущевки цвета мокрого картона и низкое, давящее небо, которое, казалось, можно было задеть головой.

Кира стояла на автобусной остановке, зябко, кутаясь в поношенный шарф. Ей было двадцать четыре. Позади — ничем не примечательный провинциальный вуз, впереди — такая же ровная, как этот серый асфальт, рутина на должности младшего регистратора в местной коммунальной конторе за копейки. В её кармане лежал мобильный телефон с разбитым экраном, на котором висело уведомление от банка: «Баланс: 412 рублей». До зарплаты оставалось еще десять дней.

Но страшнее пустой карты было другое тупая, просто удушающая пустота внутри, от которой перехватывало дыхание. Зареченск не давал шансов. Все вокруг жили по одной схеме: работа — дом — редкие посиделки в единственном приличном кафе по праздникам. Кира чувствовала, как этот город день за днем затягивает её в своё вязкое болото, заставляя забыть, что мир может быть другим.

Единственным местом, где Кира была по-настоящему жи-

ва, оставались её сны.

Они начались около года назад — яркие, осязаемые, пугающе реальные сновидения. Каждую ночь, закрывая глаза в своей крошечной съемной однушке с протекающим краном, Кира просыпалась в другой реальности.

Там она вела роскошный, залитый солнцем Ягуар по горному серпантину. Она физически ощущала подушечками пальцев плотную прохладную кожу руля, слышала ласковое урчание мотора и вдыхала соленый, пьянящий запах океана. В тех снах она была другой — уверенной, сильной, носящей дорогие шелковые платья, которые мягко скользили по телу. Просыпаться после таких ночей под оглушительный писк дешевого будильника было физически больно. Кира часами сидела на кровати, пытаясь удержать перед глазами следы того чужого счастья.

Автобус опаздывал уже на полчаса. Мороз пробирал до самых костей. Кира посмотрела на свои тонкие пальцы в заношенных перчатках и почувствовала, как на неё накатывает злая волна отчаяния. Ей так стало невыносимо, до крика захотелось оказаться там, в тепле своего приснившегося автомобиля.

— Пожалуйста... — прошептала она, закрывая глаза. — Ну почему всё так?

И в этот момент Кира сделала то, чего никогда не делала раньше. Вместо привычной зависти и тоски по красивой картинке, она попыталась вспомнить чувство. Она застави-

ла себя проигнорировать холодный ветер, бьющий в лицо, и мысленно, изо всех сил, потянула из ночного сна то самое ощущение: как ладоням тепло на кожаном руле. Как внутри разливается абсолютное, сытое спокойствие человека, у которого есть всё. Как шумит океан. Она не просто представила это — она на секунду стала той Кирой из сна, впуслав это ощущение в каждую клеточку своего замерзающего тела.

Мир вокруг нее странно затих. На долю секунды Кире показалось, что звук проезжающей мимо фуры приглушился, словно через толстое стекло, а в воздухе отчетливо, ярко пахнуло... дорогим парфюмом с нотками амбры и цитруса. Тем самым, из сна.

Кира испуганно открыла глаза и судорожно выдохнула.

Она всё еще стояла на той же грязной остановке Зареченска. Автобуса не было. Но что-то неуловимо, пугающе изменилось. Кира огляделась по сторонам — иллюзия рассыпалась, выдёргивая её обратно в суровую реальность.

Вывеска старого продуктового магазинчика через дорогу, которая еще минуту назад была ядовито-зеленой с вывалившейся буквой «К», теперь горела ровным, аккуратным синим светом, и на ней было написано совершенно другое название — «Магистраль». Серый забор у дороги вдруг оказался выкрашен в свежий белый цвет. Но самым страшным был телефон, завибрировавший в её руке.

Кира посмотрела на треснувший экран. На нём горело сообщение от банка: «Зачисление: пополнение счёта. Баланс:

45 412 рублей».

Кира забыла, как дышать, намертво застыв на месте. Она перечитала смс трижды. Ошибки быть не могло. Никаких премий или переводов от родителей не ожидалось. Мир вокруг выглядел почти так же, но эти мелкие, абсурдные детали — синяя вывеска, чистый забор и цифры на счете — кричали о том, что произошло что-то невозможное.

Дрожащими ногами Кира сделала шаг прочь от остановки, решив пойти пешком через сквер, чтобы унять бешеный стук сердца. Голова кружилась, а под ногами опасно похрустывал лед.

Глава 2. Тепло чужих рук

Маленький сквер Зареченска в этот час был абсолютно пуст. Высокие, покрытые инеем клёны смыкались над головой, превращая аллею в унылый ледяной коридор. Кира шла по инерции, полностью погрузившись в гул собственных мыслей и тупо всматриваясь в светящиеся цифры баланса. Сорок пять тысяч. Для Зареченска — огромные деньги.

— Этого просто не может быть, — бормотала она под нос, пряча лицо в шарф. — Банковская ошибка? Но вывеска... вывеска-то почему посинела? Я с ума схожу? Это галлюцинация от холода?

Пытаясь успокоить дыхание, она свернула на центральную дорожку и вдруг замерла.

На обледенелой скамейке под раскидистым деревом сидел человек. На нём было старое, поношенное серое паль-

то с поднятым воротником, из-под которого виднелись абсолютно седые, растрёпанные ветром волосы. Мужчина сидел неподвижно, низко опустив голову, а его руки, лишённые перчаток, были прижаты к груди. Пальцы посинели от жуткого мороза и мелко, судорожно подрагивали. Всем своим видом он напоминал человека, который уже отказался от борьбы и просто сдался на милость суровой зиме.

Прохожие в Зареченске давно научились не замечать таких людей — бездомных, бедолаг, выброшенных на обочину жизни. Но Кира, несмотря на собственный шок, пройти мимо не смогла. Что-то в этой одинокой, замерзающей фигуре отозвалось в её душе острой, пронзительной болью.

— Эй... — тихо позвала она, подходя ближе. — Вам плохо?

Мужчина не ответил. Лишь тяжело, со свистом выдохнул облачко пара.

Кира не раздумывала. Она резко развернулась и почти побежала обратно к началу сквера, где у дороги светился круглосуточный павильончик. Дрожащими руками она протянула продавцу мятую сторублёвку — теперь ей было всё равно, откуда на её счёте взялись деньги, главное, что они у неё были.

— Пожалуйста, большой стакан чёрного чая. Погорячее. И пирожок с картошкой, — выдохнула она.

Забрав обжигающий пластиковый стакан, Кира подбежала обратно. Мужчина сидел в той же позе. Она аккуратно

опустилась на лавочку рядом, стараясь не расплескать чай, и протянула его мужчине.

— Возьмите, пожалуйста. Он очень горячий, согрейтесь.

Мужчина медленно, словно преодолевая сопротивление невидимой толщи воды, поднял голову. Кира инстинктивно отпрянула: лицо его было бледным, истощённым, но глаза... Глаза были потрясающими. Они смотрели цепко, прорезая уличную тьму неожиданной ясностью. В них не было привычной мути, свойственной уличным бродягам.

Он аккуратно, окоченевшими пальцами принял стакан, и Кира увидела, как сильно он дрожит.

— Погодите, — Кира быстро стянула со своих рук тёплые, мягкие вязаные варежки. — Наденьте. Они чистые, шерстяные. Мороз ведь жуткий.

Она бережно помогла ему натянуть варежки на посиневшие ладони. Мужчина сделал первый, медленный глоток обжигающего чая. Зажмурился. Тепло начало возвращать его к жизни. Он снова посмотрел на Киру, и на его бледных губах скользнула едва заметная усмешка.

— Ты только что согрела меня, — тихо, но удивительно чётко и породисто произнёс он, и его голос совсем не вязался со старым пальто. — Отдала последнее тепло... А ведь на соседней ветке реальности, всего в тридцати секундах осознанности отсюда, ты сейчас сидишь в тёплом, роскошном салоне своего «ягуара». Почему ты всё ещё здесь, Кира?

Кира замерла. Воздух словно застрял у неё в груди. Мир

вокруг снова начал медленно вращаться. Она никому и никогда не рассказывала про свои ночные сны. Ни одна живая душа в этом проклятом Зареченске не знала про её тайное видение — про горный серпантин, про запах амбры и про руль этой конкретной дорогой машины.

— Откуда... откуда вы знаете моё имя? — прошептала она, отступая на край скамейки. — И откуда вы знаете про... машину? Кто вы такой?!

Мужчина горько улыбнулся и бережно опустил стакан на колени, укутанные в её шерстяные варежки.

— Моё имя — Пётр. И я — твоё живое предупреждение, — тихо сказал он. — Я тот, кто умел строить миры, но нарушил Правила Квантового Баланса. Я слишком долго гнал-ся за идеальным богатством, перескакивая с ветки на ветку, пока окончательно не потерял себя. Мои чары заблокированы, я разучился чувствовать и желать, я опустел и застрял на этом дне. Я не могу спасти себя. Но за твою чистую доброту, за этот чай и эти варежки... я могу проложить дорогу тебе. Твои сны — это не фантазия, Кира. Это твоё эхо. И то, что ты сделала на остановке полчаса назад, — это твой первый Квантовый Закон.

Пётр подался вперёд, и его серые глаза приковали Киру к месту:

— Запомни Первое Правило, девочка. Реальность меняет не мысль. Реальность меняет чувство, прожитое так, будто оно уже произошло. Ты на секунду перестала быть нищей,

ты выпустила в себя покой — и матрица Зареченска сдвинулась, выдав тебе сорок пять тысяч из той, другой жизни. Но помни: баланс вселенной безупречен. За каждый скачок придётся платить. Ты готова учиться?

Кира смотрела на него, понимая, что её прошлая, понятная и серая жизнь в Зареченске только что рухнула прямо у неё на глазах.

Глава 3. Первый козырь

Всю дорогу до дома Кира почти бежала, то и дело оглядываясь назад, словно боялась, что Пётр или сам этот заснеженный сквер растворятся в морозном воздухе Зареченска. Дома она заперла дверь на все три замка, прислонилась к ней спиной и долго слушала, как бешено колотится сердце.

На кухонном столе лежал её старый телефон. На треснувшем экране всё так же горели невозможные цифры: сорок пять тысяч четыреста двенадцать рублей.

— Я схожу с ума. Это массовый галлюциноз, — шептала Кира, меряя шагами крошечную комнату. — Или я уснула на остановке и замерзаю? Да, точно, мне просто снится очень длинный, реалистичный сон.

Она попыталась лечь спать, но сон не шёл. В голове набатом стучали слова Петра: «Реальность меняет не мысль. Реальность меняет чувство, прожитое так, будто оно уже произошло».

А ещё Кира панически боялась завтрашнего утра.

Завтра был четверг. День, когда её деспотичный началь-

ник, Семён Николаевич — грузный, вечно орущий мужчина с багровым лицом — обещал устроить разнос всему регистрационному отделу. На прошлой неделе из-за сбоя в программе потерялась пара отчётов, и Семён Николаевич топал ногами, брызгал слюной и лично пообещал Кире, что лишит её годовой премии, а может, и вовсе уволит «по статье», чтобы неповадно было. Для Киры в её прежней реальности это означало бы полную катастрофу. Без этих денег ей было бы просто нечем платить за аренду хрущёвки.

Уже под утро, измотанная страхом, Кира вспомнила лицо Петра и его странные, бездонные серые глаза.

— Терять мне всё равно нечего, — зло выдохнула она в темноту. — Если я сумасшедшая, то хуже уже не будет.

Она закрыла глаза и вытянулась на кровати. По привычке Кира хотела начать прокручивать в голове план мести — как она кричит на Семёна Николаевича, как бросает ему в лицо заявление об увольнении... Но вовремя вспомнила запрет старика: «Никаких мыслей о деньгах или мести. Поймай чувство триумфа. Ощути, что всё УЖЕ решилось в твою пользу».

Кира глубоко вздохнула. Она заставила себя силой воли выкинуть из головы образ кричащего начальника. Вместо этого она попыталась соткать внутри себя ощущение... тепла. Того самого глубокого, расслабленного спокойствия, которое бывает, когда тяжелейший экзамен сдан на отлично, и ты выходишь на улицу, зная, что победа за тобой. Она пред-

ставила, как расправляются её вечно зажатые плечи. Как внутри разливается лёгкость. Она смаковала этот триумф, эту абсолютную безопасность так долго и упорно, пока предрассветный сон наконец не сморил её.

Утро встретило Киру привычной серостью. Наспех выпив растворимый кофе, она поспешила в контору коммунального хозяйства. Ноги были ватными.

Едва она переступила порог приёмной, как навстречу ей выскочила бледная секретарша Леночка.

— Кира, быстрее! Семён Николаевич приехал злой как чёрт, тебя первую к себе вызывает! Рвёт и мечет!

Кира почувствовала, как внутри все заскрежетало от страха. Но в самый последний момент, уже взявшись за холодную ручку массивной дубовой двери кабинета, она заставила себя остановиться. Закрыла глаза на секунду. И упрямо, изо всех сил вытащила из глубин ночной памяти то самое чувство: «Я в безопасности. Всё уже решилось. Я победитель».

Она толкнула дверь и вошла.

Семён Николаевич сидел за столом. Его лицо действительно было багровым, а кулак лежал на папке с теми самыми злополучными отчётами. Он набрал в лёгкие воздуха, готовый начать орать с порога...

И вдруг замер.

В ту же секунду на его столе оглушительно зазвонил прямой телефон внутренней связи. Начальник раздражённо дёрнул плечом и сорвал трубку:

— Да! Я занят!.. Что? Кого? Из министерства?!

Кира стояла посреди кабинета и во все глаза наблюдала за тем, как багровый цвет стремительно сходит с лица Семёна Николаевича, уступая место мертвенной бледности. Его глаза округлились, а губы задрожали.

— Да... да, конечно, Валерий Павлович. Всё подготовим. Да, проверку встретим... Никаких нарушений нет, что вы.

Он медленно опустил трубку на рычаг. Руки его заметно тряслись. Начальник поднял взгляд на Киру, но смотрел сквозь неё — его мысли были заняты внезапной, разгромной проверкой из области, которая грозила ему потерей тёплого кресла.

— Так, Кира... — глухо, совершенно без прежней спеси произнёс он, судорожно собирая бумаги со стола. — Отчёты... бог с ними, с отчётами, сама допишешь, там Леночка поможет. Иди на место. Премию я тебе выписал, приказ уже в бухгалтерии. Иди, не мешай, мне к комиссии готовиться надо!

Кира вышла из кабинета под ошеломлённый взгляд Леночки. Матрица Зареченска снова сделала сдвиг — ровно в ту секунду, когда Кира поймала правильную частоту, внешние обстоятельства сложились в безупречный пазл. Конфликт разрешился сам собой, даже без её участия.

Внутри Киры взорвался фейерверк абсолютного восторга. «Работает! Это действительно работает!» — ликовала она, возвращаясь к своему рабочему столу. На душе было

сладко и хмельно. Ей казалось, что теперь она может всё. Она закрыла потребность в безопасности, расслабилась и победоносно откинулась на спинку стула. Возникло пьянящее чувство, будто она поймала удачу за хвост и можно больше ничего не делать.

Она ошиблась. Вселенная не терпела застоя.

Вечером, уставшая, но абсолютно счастливая, Кира повернула ключ в замке своей съёмной квартиры, открыла дверь и... застыла на пороге. Из коридора в подъезд хлынул поток мутной, ржавой и горячей воды. Обувь на коврикe плавала, обои внизу уже пошли пузырями, а из глубины ванной раздавался зловещий, весёлый свист хлещущей из прорванного стояка струи.

В ту же секунду снизу, сотрясая стены, раздался яростный, дикий грохот в дверь. Сосед снизу орал так, что дрожали стёкла, обещая засудить её и хозяйку квартиры за угробленный ремонт.

Кира стояла посреди этого кошмара по щиколотку в горячей воде. Весь её дневной триумф, расслабленность и радость от премии испарились за долю секунды. Вселенная нанесла свой первый, аккуратный, соизмеримый, но очень чёткий балансирующий удар. Ей снова нужно было судорожно шевелиться, тратить все полученные деньги на экстренных сантехников и ликвидацию катастрофы.

Система выровняла весы.

Глава 4. В одном шаге от клада

Вся ночь у Киры ушла на войну с хлынувшей из труб ржавой водой. Аварийная бригада, вызванная за бешеные деньги, приехала только через полтора часа, когда ковёр в коридоре окончательно превратился в болото, а разъярённый сосед снизу уже сорвал голос, угрожая судами. В итоге за экстренный ремонт, замену лопнувшего вентиля и «компенсацию» соседу за испорченный потолок Кира отдала всё до последней копейки. И полученную в обед премию, и те самые сорок пять тысяч, внезапно упавшие на карту.

В пять утра она, обессиленная, сидела на табуретке посреди пахнущей сыростью кухни. На счёте снова сиротливо светились четыреста рублей.

Кира была измотана, зла и ничего не понимала. Внутри неё кипела глухая, удушающая обида на весь мир и на того странного старика из сквера.

— Почему?! — шептала она, утыкаясь лицом в ладони. — Я же всё сделала, как он сказал! Я поймала это чувство, я прожила его! В чём я виновата? Почему мир стал ещё хуже?!

Ей хотелось просто залезть под одеяло, расплакаться, вычеркнуть этот сумасшедший день из памяти и продолжить тихо ненавидеть свою работу, свою хрущёвку и этот Богом забытый Зареченск. Вернуться в привычное, тёплое болото, где всё плохо, но хотя бы понятно.

Но в полдень, пересилив сковавшую тело апатию, Кира упрямо натянула пальто и быстрыми шагами направилась в сквер. Ей нужны были ответы.

Пётр сидел на той же лавочке. На его руках были её вчерашние пушистые варежки, а серые, бездонные глаза смотрели на приближающуюся девушку с тихим, понимающим спокойствием. Кира подлетела к нему, тяжело дыша, и вся её ночная ярость выплеснулась наружу:

— Это всё обман! Ваше правило не работает! Да, начальник на меня не наорал, но вечером у меня прорвало трубу! Я затопила весь дом, я отдала все деньги до копейки, которые вылезли на карте! Меня отбросило назад, понимаете?! Зачем вы заставили меня поверить в это чудо, если вселенная сразу же ударила меня наотмашь?

Пётр выслушал её эмоциональный взрыв молча, даже не шелохнувшись. Когда Кира замолчала, ловя ртом холодный воздух, он медленно опустил взгляд на свои руки в варежках, а потом снова посмотрел на неё.

— Знаешь, Кира, в чём главная трагедия людей? — тихо, но поразительно веско произнёс он. — Они всегда слишком рано сдаются. Отступают в шаге до победы. Человек может месяцами, годами копать землю в поисках своего клада, ломать ногти в кровь, стоять в шаге от золотой жилы... и именно в этот момент — самый тёмный, самый тяжёлый и страшный — он бросает лопату. Поворачивает назад, возвращается в свой серый дом, прячется под тёплое одеяло и продолжает годами ныть, как несправедлива жизнь. Вместо того чтобы создавать и творить свою судьбу всеми возможными и невозможными способами. Они просто боятся прыг-

нуть туда, где страшно. А там, за этим поворотом, их ждал колоссальный переворот.

Кира растерянно моргнула, чувствуя, как его слова медленно остужают её гнев.

— Твоя лопнувшая труба — это не наказание, глупая, — мягко усмехнулся Пётр. — Это Второе Правило Квантового Баланса. Вселенная — это замкнутая гидросистема. Когда ты совершаешь прыжок на другую ветку, ты резко забираешь энергию везения. Происходит колоссальный всплеск, избыточный потенциал. Система обязана выровнять весы, и она проверяет твоё намерение. Она бьёт по слабому месту, чтобы посмотреть: ты действительно готова шевелиться, удерживать новую реальность и идти до конца? Или ты обычная девчонка, которая при первой же луже на ковре побежит обратно ныть под одеяло?

Пётр поднялся со скамьи, подошёл к ней ближе, и в его глазах вспыхнул суровый, холодный огонь:

— Чтобы реальность не била тебя в ответ, ты должна научиться добровольному энергообмену. Если матрица дала тебе куш — ты обязана сразу же, добровольно вернуть часть энергии в мир. Через сострадание, через помощь тем, кто слабее, через творчество. Ты должна отдать десятину тепла этой ветке реальности, чтобы системе не пришлось забирать её у тебя силой. Ты расслабилась, Кира. Ты решила, что поймала бога за бороду и можно лечь на диван. А Квантовый Баланс требует вечного движения.

Он протянул ей руку:

— Деньги ушли, но труба теперь новая, верно? Долгов у тебя нет. Начальник тебя уважает. Ты всё ещё на шаг ближе к своему «ягуару», чем была позавчера. Лопата всё ещё у тебя в руках, Кира. Ну так что — вернёшься под одеяло или продолжим копать дальше?

Кира смотрела на Петра, и внутри неё, сквозь усталость и сырость ночного кошмара, вдруг пробилося совершенно новое, злое и упрямое чувство. Чувство создателя своей собственной жизни.

— Продолжим, — твёрдо сказала она, делая шаг вперёд.

Глава 5. Квантовая десятая тепла

После разговора с Петром Кира шла по улицам Зареченска, и её шаги больше не были быстрыми и яростными. Гнев отступил, оставив после себя странную, звенящую пустоту. Слова старика о лопате, о сокровище, до которого остался один единственный сантиметр, крутились в голове, как заезженная пластинка.

«Мы всегда сдаёмся слишком рано, — думала Кира, кутаясь в воротник пальто. — Прячемся под одеяло, потому что ныть — это безопасно. Нытьё не требует ответственности за твою жизнь. Когда ты ноешь, во всём виноват мир: начальник, трубы, погода, правительство. Но только не ты». Ей стало стыдно за свою утреннюю истерику. Она ведь действительно хотела всё и сразу, как капризный ребёнок, которому пообещали игрушку. Она хотела изменить судьбу, но

при первой же встряске закричала: «Обман!».

Мороз к вечеру окреп. Ветер швырял в лицо пригоршни колючего, сухого снега, закручивая позёмку у подножия серых пятиэтажек. Зареченск погружался в глухие, сизые сумерки. Кира свернула за угол старого закрытого гастронома, спеша укрыться в своём, пахнущем сыростью жилище, как вдруг услышала тихий, едва различимый звук.

Это был даже не писк. Скорее — слабый, хриплый выдох.

Она остановилась. Возле ржавого мусорного бака, прижавшись к бетонной стене, сидел крошечный щенок. Совсем маленький, беспородный, с непропорционально большими ушами. Его шерсть покрылась ледяной коркой, а лапы так сильно дрожали, что он не мог даже стоять. Он просто лежал на ледяном асфальте, уткнувшись носом в собственный хвост, и ждал конца.

В голове Киры мелькнула привычная, спасительная мысль: «У меня у самой четыреста рублей в кармане. Мне нужно купить хлеба и молока на завтра. Я ничем не могу ему помочь. Всем не поможешь».

Она сделала два шага мимо. Но слова Петра: «Ты должна отдать десятину тепла этой ветке реальности, чтобы системе не пришлось забирать её у тебя силой» — буквально ударили её в спину.

Кира замерла. Внутри неё происходила невидимая, но колоссальная тектоническая битва. Старые привычки, заставлявшие оценивать всё через призму выгоды и комфорта,

кричали: «Иди домой, там тепло!». Но Кира, которая только что поняла, каково это — замерзать и в бедности, обернулась.

Кира вернулась. Она решительно опустилась на колени прямо в грязный снег, плевать на чистое пальто. Протянула руки и осторожно взяла этот ледяной, дрожащий комок. Щенок даже не испугался — у него просто не было сил. Она спрятала его глубоко под пальто, прижимая к своей груди, чувствуя, как его ледяное тельце начинает судорожно впитывать её тепло.

Она побежала к круглосуточному ларьку на остановке.

— Девушка, пожалуйста, дайте две сосиски и маленькую бутылку детского молока. Нагрейте его в микроволновке, умоляю, — тяжело дыша, попросила Кира, выкладывая на пластиковую стойку свои последние четыреста рублей.

Продавщица удивленно посмотрела на неё, но молоко подогрела. Кира отошла к деревянному навесу закрытой летней веранды неподалеку, защищенной от ветра. Она нашла чистую картонную коробку, постелила туда свой собственный теплый шарф. Ей не было жалко. Она раскрошила сосиски, налила молоко в пластиковый стаканчик.

Щенок сначала несмело ткнулся носом, а потом начал жадно, захлебываясь, лакать. Кира сидела рядом на корточках, смотрела на него, и внутри неё вдруг произошло то, о чём говорил Пётр. Плотная, удушающая броня обиды и страха на сердце треснула. Ей стало... тепло. По-настоящему. На

душе разлился покой, какого она не чувствовала уже много лет. Это была чистая, беспричинная радость от того, что прямо сейчас, благодаря её шарфу и сосискам за последние деньги, в этой огромной, холодной вселенной не умерла одна маленькая живая душа.

Она улыбнулась, вытирая непрошеную слезу. Матрица пространства вокруг неё мягко, неощутимо вибрировала. Частота её излучения изменилась: из дефицита и страха она перешла в точку безусловного созидания.

И вселенная ответила мгновенно.

Из-за угла веранды, укрываясь от метели, быстрыми шагами вышел мужчина. Высокий, в темном пальто с поднятым воротником, в его руках был тубус для чертежей. Он шёл, погружённый в свои мысли, но картина под навесом заставила его замедлить шаг, а потом и вовсе остановиться.

Девушка в распахнутом пальто сидела на корточках перед картонной коробкой, в которой её шерстяной шарф служил подстилкой для дворового щенка.

Кира почувствовала на себе чужой взгляд и подняла голову.

У неё перехватило дыхание. Сердце ёкнуло, а потом застучало где-то в горле. Это не было узнаванием лица — она никогда не видела этого человека прежде. Но её душа мгновенно с резонировала, словно слышала знакомую, родную мелодию, которую искала всю жизнь. Глубокие, умные глаза мужчины смотрели на неё с удивлением и неожиданным,

пронзительным уважением.

Он посмотрел на неё, потом на сытого щенка, укутанного в мягкую шерсть, и уголки его губ тронула едва заметная, удивительно теплая улыбка.

— Редкая картина для наших мест, — негромко, бархатным голосом произнёс он. — Обычно здесь люди спасают только себя.

Кира не могла вымолвить ни слова. Квантовый сдвиг произошёл. Искра была высечена, и реальность Зареченска уже никогда не будет прежней.

Глава 6. Мостик над бездной

Утро в Зареченске началось с глухого, серого рассвета, который едва пробивался сквозь оледеневшие окна. Кира проснулась мгновенно, и первой её мыслью был щенок. На улице, судя по гулу ветра в вентиляции, бушевала настоящая ледяная буря.

Она наспех оделась, даже не взглянув в зеркало, и побежала к летней веранде. Сердце сжималось от нехорошего предчувствия: а вдруг коробку занесло снегом? Вдруг он не дожил?

Но когда Кира, тяжело дыша, ворвалась под навес, она увидела, что маленький пёс жив. Он сидел в её кашемировом шарфе, свернувшись калачиком, и преданно заскулил, едва заведёв её. Молоко в стаканчике превратилось в лёд, а крошки сосисок замёрзли.

Кира опустилась рядом на корточки, прижимая малыша к

себе. Оставлять его здесь было нельзя — зареченский мороз не пощадил бы его в следующую ночь. Но забрать к себе... В голове тут же зазвучал скрипучий голос хозяйки квартиры, которая прицепилась бы к каждой царапине на древнем линолеуме и выставила бы Киру на улицу в тот же день.

«Что мне делать? — в отчаянии думала Кира. — Я хочу спасти его, но у меня нет сил, нет своего жилья, нет ничего. Я сама едва держусь в этом городе».

Ей снова захотелось поддаться старой привычке: запаниковать, расплакаться и переложить вину на обстоятельства. Но вместо этого она спрятала щенка под пальто и решительно пошла в сквер. Ей нужен был Пётр.

Старик сидел на своём привычном месте, словно метель и холод вообще его не касались. На его ладонях были её пушистые варежки.

— Я сделала, как вы сказали, — тихо произнесла Кира, садясь на край скамьи и бережно приоткрывая полу пальто, из-под которого высунулся любопытный чёрный нос. — Я отдала тепло. Покормила его, отдала свой лучший шарф, потратила последние деньги... И мне действительно стало тепло внутри. Но теперь мне страшно. Я не могу взять его домой — меня выгонят. Оставить на улице — он погибнет. Получается, я взяла на себя ответственность, которую не могу потянуть? Система снова сломается?

Пётр мягко улыбнулся, и в его пронзительных серых глазах заиграли тёплые искорки:

— Ты задаёшь правильные вопросы, Кира. Это начало Третьего Правила Квантового Баланса. Люди часто путают сострадание с контролем. Ты пытаешься всё просчитать, взвалить на свои плечи из страха перед будущим. Твой разум кричит: «Если я не найду выход прямо сейчас, случится катастрофа!» Но матрица устроена иначе. Это Закон Отпускаения и Доверия. Если ты совершила чистый, бескорыстный поступок от всего сердца — ты уже запустила квантовую волну. Твоя задача теперь — не паниковать, а довериться жизни. Сделай шаг в пустоту, отпусти страх, а ветка реальности сама подставит под твои ноги мостик. Хочешь посмотреть, как это работает?

Кира растерянно кивнула.

— Идём, — Пётр поднялся, опираясь на старую палку. — Я знаю одно место, где этой маленькой душе будет тепло. И где тебя ждёт очень важный урок.

Они шли долго, почти к самой окраине Зареченска, туда, где старые советские пятиэтажки уступали место глухому заснеженному пустырю. Ветер здесь дул с особой яростью, швыряя в лицо колючую крупу. Кира шла, бережно прижимая к себе щенка, и изо всех сил старалась удержать внутри то самое расслабленное доверие, о котором говорил Пётр. Было пугающе, но она упрямо повторяла про себя: «Я доверяю. Мостик появится».

Впереди, сквозь пелену метели, показались очертания старинного, полуразрушенного здания из тёмного кирпича.

Это была усадьба девятнадцатого века, которую местные жители давно считали грудой мусора. Но сейчас вокруг неё высились свежие, пахнущие сосной строительные леса. Чуть в стороне стояла тёплая строительная бытовка, из трубы которой шёл весёлый сизый дым, а в окнах горел мягкий жёлтый свет.

Пётр уверенно подошёл к бытовке и постучал в деревянную дверь.

Дверь открылась, и на порог вышел мужчина. Тот самый, которого Кира мельком видела вчера у веранды. Высокий, в простом рабочем свитере грубой вязки, с наброшенной на плечи курткой. Вблизи его лицо казалось ещё более волевым и сосредоточенным. В его руках был карандаш, а за спиной, на большом столе, белели развёрнутые рулоны чертежей.

— Пётр? — удивился мужчина, и его голос прозвучал глубоко и спокойно. — Заходи скорее, на улице же лютый буран. Я как раз чай заварил.

— Спасибо, Глеб, — старик качнул головой, но в бытовку не вошёл. Он мягко подтолкнул Киру вперёд. — Я к тебе по делу. Помнишь, ты говорил, что вам на объект нужен сторож? Настоящий, верный. Кажется, мы его нашли.

Глеб перевёл свой внимательный, пронзительный взгляд на Киру. Она замерла под этим взглядом. В её груди снова глухо и мощно отозвалось странное эхо — словно её подсознание, её сны о далёкой, роскошной жизни отчаянно сигнализировали, что этот человек как-то связан с её будущим. Но Глеб

смотрел на неё совершенно спокойно, без капли того восхищения, к которому привыкают красивые девушки. Он смотрел на неё просто как на человека.

Кира несмело раскрыла полы пальто. Щенок, почувствовав запах тепла и дровяной печи, тихонько тявкнул.

Глеб посмотрел на пушистого бедолагу, потом снова на Киру. В его глазах промелькнуло узнавание — он вспомнил вчерашнюю сцену у ларька и шарф, оставленный в коробке. Уголки его губ едва заметно дрогнули.

— Тот самый кашемировый охранник? — негромко спросил он.

— Да, — Кира смутилась, чувствуя, как краснеют щёки. — Ему нельзя на улице. Хозяйка моей квартиры... в общем, я не могу его оставить. Пётр сказал, что у вас тепло.

Глеб помолчал секунду, оценивая ситуацию. В нём чувствовался человек дела, который не любил лишних слов и пустых эмоций.

— Ладно, — он протянул свои большие, сильные руки и аккуратно забрал щенка. — Бытовка у нас отапливается круглые сутки, строители его подкормят. Будет усадьбу охранять. Как назвали?

— Ещё никак, — тихо ответила Кира.

— Будет Квантом, — серьёзно сказал Глеб, и Кира едва не задохнулась от неожиданности, бросив быстрый взгляд на Петра. Но старик лишь заговорщически подмигнул ей из-под заснеженных бровей. Глеб же, не заметив их переглядки, до-

бавил:

— Заходи, погрейся. Чай горячий.

— Нет, спасибо, мне пора на работу, — Кира сделала шаг назад.

Она чувствовала, как её буквально захлёстывает сильная, плотная энергия этого мужчины. Рядом с ним её собственная неуверенность и провинциальная серость казались особенно чёткими.

— Как знаешь, — Глеб сдержанно кивнул. — За щенка не переживай. Не замёрзнет.

Дверь бытовки закрылась. Кира осталась стоять на заснеженном пустыре рядом с Петром. На её душе было легко — щенок был в безопасности, мостик реальности действительно подставился в нужную секунду. Но внутри неё вибрировал совершенно новый, глубокий инсайт.

— Ну что, поняла теперь? — тихо спросил Пётр, кутаясь в пальто и глядя на усадьбу.

— Да, — прошептала Кира, и на её глазах блеснули слёзы осознания. — Я поняла. Мне нужно стать другой.

Оставшуюся часть дня Кира провела как в тумане. Рутинная работа в конторе, привычные жалобы жильцов, серые папки — всё это казалось декорациями к какому-то чужому, затихающему фильму. Но по-настоящему её накрыло только ночью, когда Зареченск погрузился в глухую, ледяную темноту, а за окном старой квартиры завывала метель.

Кира лежала в постели, уставившись в потолок, по кото-

рому ползали тени от уличного фонаря. Сон не шёл. Внутри неё, словно заведённый маятник, вибрировала энергия этого дня. Она вспоминала усадьбу, бытовку, запах колотых дров и... Глеба.

Его образ не выходил из головы. Но это не была привычная девичья влюблённость с первого взгляда. Это было чёткое, почти пугающее озарение.

Кира повернулась на бок и подтянула колени к груди. В темноте её собственные мысли зазвучали непривычно честно.

«У нас ведь ментально совершенно разные миры, — подумала она, и внутри неприятно кольнуло. — Дело даже не в деньгах. Дело в том, какой он, и какая я».

Она вспомнила, как часто в юности, да и сейчас, листая социальные сети, она и её подружки ждали чуда. О том, как появится красивый, сильный, успешный мужчина — тот самый миллионер на дорогой машине — и заберёт их из этого серого Зареченска. Каждая закомплексованная или нищая духом девочка внутри верит в этот лёгкий сценарий. Сидит в своей неубранной комнате, завернувшись в поношенное одеяло, и просто ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.